

233.
А 164.

МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ,
Департаментъ Земледѣлія.

ОЧЕРКЪ
РОШАНА И ШУГНАНА
СЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

С. Коржинскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С.-Петербургскаго Градоначальства, Милліонная ул., № 17.

1898.

233
164

ОЧЕРКЪ РОШАНА и ШУГНАНА

СЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

С. Коржинскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С.-Петербургскаго Градоначальства, Милліонная ул., № 17.

1898.

Печатано по распоряженію Министерства Земледѣ. и Государств. Имуществ.

ОЧЕРКЪ РОШАНА И ШУГНАНА СЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Рошанъ и Шугнанъ представляютъ два небольшія бекства, расположенныя на западномъ склонѣ Памира. Съ сѣвера къ нимъ примыкаетъ Дарвазъ, съ юга Ваханъ, съ запада они ограничены р. Пянджемъ, за восточную же границу можно принимать послѣдніе пункты осѣдности въ долинахъ рѣкъ, текущихъ съ Памира къ западу.

Какъ извѣстно, Памиромъ называется высокое плоскогорье съ среднимъ поднятіемъ отъ 12000 до 13000', а на перевалахъ отъ 14—15000'. Въ средней части своей оно представляетъ весьма характерную картину. Широкія долины, совершенно ровныя, усыяныя галькой, окаймлены невысокими горами, состоящими изъ скалистыхъ безснѣжныхъ глыбъ, со сглаженными вѣтромъ склонами. Обширныя котловины съ солеными усыхающими озерами, окружены полосой солончаковъ. Растительность, въ высшей степени скудная, состоитъ изъ рѣдкихъ кустиковъ, разбросанныхъ по каменистой пустынѣ. Лишь вдоль рѣчекъ видны зеленыя лужайки, образованныя низкими дерномъ приземистыхъ осокъ. Прибавьте къ этому еще кое-гдѣ встрѣчающіеся холмы сыпучихъ песковъ и вы получите какъ бы клочекъ Арало-Каспійской пустыни, поднятый на 12000—13000 футовъ.

Памиръ даетъ начало нѣсколькимъ рѣкамъ, которыя, по большей части, текутъ на западъ и впадаютъ въ р. Пянджъ (Амударью). Изъ нихъ самая крупная пересѣкаетъ почти весь Памиръ и носитъ названіе въ верхней части—Аксу, въ средней—Мургабъ, а въ нижней—Бартангъ. Параллельно ей течетъ слѣдующая (къ югу) р. Гунгъ, которая вытекаетъ изъ озера Яшилъ-куль и служитъ какъ бы продолженіемъ р. Алчура. Далѣе къ югу течетъ р. Шахъ-дара, образуемая отъ слиянія рѣчекъ Кокъ-бай и Мась, вытекающихъ съ переваловъ того же имени; она впадаетъ въ р.

1507

99

Пянджъ однимъ устьемъ вмѣстѣ съ р. Гунтомъ. Къ сѣверу отъ Бартанга и параллельно ему текутъ рѣки меньшей величины, именно Язгулемъ и Ванчъ, но онѣ принадлежатъ уже Дарвазу.

Эти рѣки, Шахъ-дара, Гунтъ и Бартангъ, въ своей верхней, а отчасти и средней части текутъ среди типичнаго Памирскаго плоскогорья. Но далѣе къ западу онѣ начинаютъ существенно вліять на характеръ страны; онѣ глубоко врѣзываются съ своими притоками въ плато и текутъ въ глубокихъ узкихъ ущельяхъ. Отъ этого рельефъ страны дѣлается весьма неровнымъ, а междурѣчныя части плато принимаютъ видъ высокихъ горныхъ хребтовъ. Однако вершины ихъ еще сохраняютъ типичныя черты Памирской природы и несутъ ту же характерную флору. Самое плато кромѣ того, повидимому, весьма слабо понижается къ западу, какъ это видно, между прочимъ, изъ высоты переваловъ междурѣчныхъ пространствъ. Именно, между верховьями Шахъ-дары и Гунта перевалы Кокъ-бай и Кой-тезекъ имѣютъ высоты около 13300' и 13500'; между Гунтомъ и Бартангомъ перевалъ Лянгаръ—около 14300'. Къ западу отъ этихъ переваловъ въ предѣлахъ Рошана и Шугнана высоты неизвѣстны, ибо горы имѣютъ слишкомъ крутые склоны и совершенно недоступны. Но нѣсколько сѣвернѣе, въ Дарвазѣ, перевалы Юдуди (между Бартангомъ и Язгулемомъ) и Гушконъ (между р. Язгулемомъ и Ванчемъ) находятся очень близко, всего версты 15—20 отъ Пянджа и всетаки достигаютъ высоты около 12000.

Отмѣчу еще одну особенность этихъ западныхъ переваловъ или вообще высотъ въ западной части Памира: всѣ они завалены большими массами снѣга, между тѣмъ какъ восточные перевалы на Памирѣ обыкновенно безснѣжны. Это обстоятельство вѣроятно зависитъ отъ того, что теплые вѣтры, дующіе съ запада, осаждаютъ здѣсь содержащуюся въ нихъ влагу и далѣе къ востоку являются еще болѣе сухими. Но въ общемъ и въ западной части Памира климатъ отличается сухостью. Здѣсь вовсе не замѣчается типичной альпійской зоны съ яркозеленымъ ковромъ и мягкими очертаніями горъ, а скудная растительность склоновъ почти отъ границы вѣчныхъ снѣговъ носитъ ксерофильный характеръ, примыкая къ такъ называемой горной зонѣ.

Долины рѣкъ вездѣ очень узки. Рѣдко представляютъ онѣ расширенія, достигающія, напримѣръ, версты въ ширину. Такія расширенія въ верхней части рѣкъ Гунта и Шахъ-дары (выше 9500—10000') представляютъ хорошія пастбища, но для земледѣлія

мало годны вслѣдствіе суровости климата. Ниже данной высоты подобныя расширенія долины обыкновенно представляютъ песчаную почву, постоянно затопляемую разливами рѣки и густо поросшую мелкимъ лѣсомъ изъ ивы и обліпихи. Такіе заливные лѣски разбросаны отдѣльными пятнами на всемъ протяженіи Шахъ-дары и Гунта. По большей же части, долина этихъ рѣкъ представляетъ узкую полоску, съ одной стороны подмываемую рѣкой, а съ другой загромаждаемую обломками скалъ. И здѣсь, въ этой узкой полосѣ, у подножія горныхъ склоновъ, среди разбросанныхъ всюду утесовъ и скатившихся съ горъ огромныхъ камней, расположены небольшими клочками пашни туземцевъ. Но и такая культурная полоса далеко не идетъ непрерывно по теченію рѣки. Часто утесы стѣсняютъ русло рѣки, которая превращается въ бурливый горный потокъ, текущій въ глубокомъ корридорѣ, образованномъ нависшими скалами. Узкая тропинка, идущая вдоль рѣки, то проложена по самому руслу, то поднимается по крутымъ склонамъ и карнизамъ на тысячи футовъ, то вновь спускается къ самой водѣ. Далѣе нужно перебираться черезъ бушующій потокъ на другой берегъ, карабкаться по каменистымъ осыпямъ и т. д. И подобная тропинка вдоль по Гунту и Шахъ-дарѣ служить единственнымъ путемъ сообщенія для всей страны.

Еще суровѣе природа по Бартангу. Эта рѣка, болѣе мощная, чѣмъ названная выше, глубже врѣзывается въ материкъ и течетъ среди отвѣсныхъ скалъ, непрерывной стѣной идущихъ по обѣимъ сторонамъ ея. Лишь изрѣдка у подножія утесовъ встрѣчаются небольшія отмели, годныя для земледѣльческой культуры. Вдоль Бартанга совсѣмъ нѣтъ непрерывной тропинки, по которой можно было бы провести лошадь. Отъ времени до времени приходится оставлять лошадей и пускать ихъ вплавь внизъ по теченію, самимъ же карабкаться по прибрежнымъ утесамъ. Во многихъ мѣстахъ и пѣшіи можетъ пробраться лишь съ большимъ трудомъ.

Рѣка Пянджъ, въ которую впадаютъ описанныя рѣки, принадлежитъ Россіи лишь своимъ правымъ берегомъ. Этотъ правый берегъ, точно также какъ и лѣвый, представляетъ мѣстами узкую долину, заливаемую Пянджемъ и потому необрабатываемую. Высокія горы, представляющія безжизненные голыя громады, кончаются то нависшими надъ водою утесами, то сланцеватыми осыпями, то болѣе пологими каменистыми склонами. У подножія этихъ послѣднихъ кое-гдѣ разбросаны небольшими оазисами участки полей. Общая ширина этихъ культурныхъ полосъ нигдѣ не превышаетъ и 100 сажень. Только при слияніи р. Бартанга съ Пянджемъ находится

болѣе обширное ровное пространство, годное для культуры. Здѣсь поэтому и образовался самый крупный населенный пунктъ, именно Кала-и-Вамаръ, въ которомъ, вмѣстѣ съ окрестностями, обитаетъ до 40 семействъ.

Такимъ образомъ во всей странѣ лишь небольшіе клочки, оазисами разбѣянные вдоль по долинамъ рѣкъ, годны для обитанія. При этомъ рѣки Шахъ-дара и Гунтъ съ прилежащею частью долины Пянджа образуютъ Шугнанъ, а нижнее теченіе Бартанга, также соответствующей долей береговой линіи, составляетъ Рошанъ. Всѣ междурѣчныя пространства остаются совершенно необитаемы. Даже ближайшія горы столь круты и недоступны, что далеко не вездѣ могутъ служить и пастбищемъ для скота. Своими же крутыми склонами, гигантскими осыпями и нависшими утесами, онѣ вѣчно угрожаютъ долинамъ, готовые всегда разрушить всѣ труды человѣка. Дѣйствительно, во всемъ краѣ очень часто случаются обвалы, загромаждающіе долину обломками скалъ, уничтожающіе поля, часто причиняющіе несчастія и людямъ. Но Шахъ-даръ я видѣлъ нѣсколько разъ слѣды свѣжихъ обваловъ, а на Пянджѣ въ одномъ мѣстѣ (между деревнями Нишусъ и Андеробъ, по дорогѣ въ Ваханъ) огромный обвалъ произошелъ всего за нѣсколько часовъ до моего проѣзда. Здѣсь обвалилась землестая масса съ примѣсью большихъ камней, вѣроятно составившая одинъ изъ остатковъ древней рѣчной террасы, которая можно нѣрѣдко наблюдать какъ бы пригипленными къ скаламъ на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ уровнемъ рѣки. Прилежащая долина была на значительномъ разстояніи (сажень сорокъ въ поперечникѣ) покрыта глиной и щебнемъ на высоту 1—3 сажень. Обвалъ засыпалъ и часть русла Пянджа и далеко вдавался въ нее. Далѣе отъ обвала на десятки сажень видны были слѣды летѣвшихъ камней, которые бороздили землю и ломали кустарники. Къ счастью въ этомъ мѣстѣ не было ни полей, ни жилья, иначе могло бы произойти очень крупное несчастье.

Чтобы докончить характеристику естественныхъ условій страны, надо еще сказать нѣсколько словъ о ея высотѣ надъ уровнемъ моря. Самые низкія мѣста лежатъ въ долинѣ р. Пянджа между Кала-и-Вамаромъ (6300') и Хорогомъ (6500'). Далѣе вверхъ по р. Пянджу мѣстность постепенно повышается; д. Андерабъ лежитъ уже около 7100' надъ уровнемъ моря. По притокамъ Пянджа осѣдлые пункты, а слѣдовательно и полевая культура, доходятъ приблизительно до 10000'; именно, крайніе пункты, гдѣ встрѣчаются поля, суть слѣдующіе: по Шахъ-дарѣ Шоштъ-бувагъ на высотѣ 10300' и Мазаръ

около 10000'; по Гунту—Сардымъ около 9700; по Бартангу—Сарезъ, вѣроятно около 9000, а на притокѣ Бартанга Танемасъ (или Кударѣ)—урочище Кудара около 9500. По этимъ даннымъ уже можно составить себѣ понятіе о климатѣ страны, хотя я долженъ замѣтить, что южное положеніе края (37—38° с. ш.) и притомъ открытое къ югозападу создаетъ въ общемъ болѣе благоприятныя климатическія условія, чѣмъ можно предполагать, судя по его высотѣ надъ уровнемъ моря.

Таковъ характеръ края. Изъ всего сказаннаго видно, что самой природой онъ не предназначенъ для густого населенія, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ странамъ, гдѣ живетъ легко и привольно среди обильной дарами природы. Если вспомнить при этомъ бурную политическую исторію края, лѣтописи которой изображены въ многочисленныхъ развалинахъ и остаткахъ крѣпостей, если вспомнить, что его храбрый и многострадальный народъ въ теченіе многихъ поколѣній упорно боролся, отстаивая свою независимость въ непрерывной рѣзкѣ то съ бухарцами, то съ афганцами, то мы поймемъ, что здѣсь невозможно было ожидать встрѣтить цвѣтущее населеніе и развитую сельскохозяйственную жизнь.

Жители Шугнана и Рошана принадлежатъ къ таджикамъ, т. е. иранскаго происхожденія. Но они говорятъ на особомъ нарѣчій непонятномъ для самаркандскихъ таджиковъ и близкомъ весьма къ дарвазскому нарѣчій. Что же касается до физическихъ признаковъ, то туземцы Рошана и Шугнана, также какъ и Дарваза, представляютъ любопытную смѣсь двухъ расъ, весьма различныхъ между собою. Одна изъ этихъ расъ въ своихъ типичныхъ представителяхъ напоминаетъ древне-еврейскій или вообще семитическій типъ. Она характеризуется узкимъ лицомъ, выдающимся тонкимъ носомъ, рѣдкой бородой, черными глазами, черными волосами. Другая раса имѣетъ совершенно европейскій обликъ. Округлыя мягкія черты довольно широкаго лица, окладистая густая борода, сѣрые или голубые глаза, русые или рыжеватые волосы характеризуютъ ее. Иногда, еслибъ не костюмъ, то такого туземца можно было бы принять за русскаго крестьянина. Разумѣется, встрѣчаются и различные переходы между двумя типами. Въ общемъ же представители бѣлокурой расы такъ многочисленны, что ее нельзя принять за случайную примѣсь. Она очевидно представляетъ древній элементъ населенія подобно тому, какъ и въ Кафиристанѣ. Этотъ фактъ существованія остатковъ бѣлокурой расы въ глубокихъ горныхъ долинахъ, на склонахъ Памира и Гиндукуша, среди цѣлага моря черноволосыхъ пле-

мень Азии представляет высокій интерес. Онъ, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть огромное научное значеніе для исторіи переселенія среднеевропейскихъ народовъ.

Тѣсно связанные такимъ образомъ съ дарвазцами и по языку, и по типу, рошанцы и шугнанцы, въ особенности послѣдніе, тѣмъ не менѣе отличаются отъ нихъ по своему характеру. Въ противоположность смиреннымъ, забитымъ и вилымъ дарвазцамъ, шугнанцы обладаютъ гордой осанкой и живостью движеній. Они ходятъ съ высоко поднятой головой и пѣвучая рѣчь ихъ отличается какимъ то повышеннымъ тономъ. Это различіе обуславливается, вѣроятно, прежде всего иною историческою судьбою, которая, въ зависимости отъ разныхъ и, между прочимъ, чисто географическихъ условий, выпала на долю этихъ, столь близкихъ между собою, племенамъ.

Вслѣдствіе крайней раздробленности участковъ, годныхъ для земледѣльческой культуры, во всемъ краѣ населеніе очень рѣдкое. Туземцы селятся небольшими кишлаками (т. е. деревнями) часто всего въ 2—3 дома. Кишлаковъ въ 10—15 домовъ сравнительно немного, а такихъ, въ которыхъ бы было по нѣсколько десятковъ домовъ, не болѣе двухъ (Кала-и-Вамаръ и Хорогъ). Но и въ этихъ послѣднихъ мы не видимъ ничего подобнаго типичнымъ сартовскимъ кишлакамъ, въ которыхъ дома болѣе или менѣе сгущены и образуютъ улицу, имѣется базаръ или отдѣльныя лавочки и т. п. Во всемъ Рошанѣ и Шугнанѣ, также какъ и въ большей части Дарваза, жилища разбросаны далеко одно отъ другого, причемъ каждое окружено соответствующими участками полей и иногда садами. Лавокъ и базаровъ нѣтъ во всемъ краѣ, и торговли, еяма впрочемъ ограниченная, ведется при посредствѣ странствующихъ торговцевъ, привозящихъ свой товаръ по большей части изъ Оша.

За отсутствіемъ лесовой глины, туземцы строятъ свои жилища главнымъ образомъ изъ камня. Внутри, а иногда и снаружи, они обмазываютъ ихъ землею. Крышу дѣлаютъ плоскую съ отверстіемъ для выхода дыма. Окна не дѣлаютъ совсѣмъ. Жилища эти темны, низки и покрыты внутри толстымъ слоемъ копти. Часто такая сакля прислонена къ какому-нибудь большому камню, служащему одной изъ стѣнъ. Иногда она помѣщается въ разсѣлинѣ утеса или между большими камнями. Въ этомъ случаѣ изъ обломковъ камня выкладывается всего одна или двѣ стѣны, устраивается крыша и получается жилище, одинъ видъ котораго внушаетъ сожалѣніе. А между тѣмъ въ подобной саклѣ ютится и укры-

вается отъ зимней стужи цѣлая семья, нерѣдко съ 5—6 маленькими дѣтьми.

Крайняя бѣдность жителей сказывается во всей жизненной обстановкѣ. Одежда, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ рубахи и шароваръ, хотя и разнаго покроя, и дѣлается изъ грубой бумажной матеріи, такъ называемой маты. Эта матерія собственно бѣлаго или нѣсколько суроваго цвѣта, но въ одеждѣ, отъ толстаго слоя грязи, она имѣетъ сѣрый цвѣтъ. Я сомнѣваюсь, чтобы туземцы когда-нибудь мѣняли бѣлье. Голову и отчасти лице женщины прикрываютъ четырехугольнымъ лоскутомъ той же матеріи. Ситцевые халаты я видѣлъ лишь у должностныхъ лицъ и притомъ не ниже волостного правителя. Въ холодное время года носятъ бѣлые халаты изъ грубой шерсти, которые приготавлиются въ Ваханѣ, а также бараньи шубы.

Пища жителей состоитъ главнымъ образомъ изъ сѣмянъ зерновыхъ злаковъ и бобовыхъ, которые будутъ перечислены ниже. Обыкновенно зерновой хлѣбъ смѣшивается съ сѣменами гороха, бобовъ и пр. и изъ этой смѣшанной муки приготавливаютъ лапшу, лепешки и т. п. Всѣ эти кушанья употребляются обыкновенно безъ соли. Во всемъ краѣ соли нѣтъ нигдѣ, и она должна привозиться издалека. Такъ, изъ Бадакшана иногда привозятъ каменную соль, весьма нечистую, съ большою примѣсью глины и продаютъ ее по 1 р. 80 к. за пудъ. Также съ Ранъ-куля (озеро въ восточной части Памира) привозятъ немного соли, но она по цѣнѣ недоступна населенію, которое и обходится почти вовсе безъ соли.

Кромѣ мучнистыхъ продуктовъ, важную роль въ питаніи жителей играетъ молоко и молочные продукты, какъ-то: кислое молоко, круты, т. е. сушеный творогъ, и прѣсный сыръ. Мясо составляетъ лакомство и употребляется лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Скотоводство въ краѣ развито довольно мало. Разводятъ главнымъ образомъ мелкій скотъ, т. е. козъ и овецъ, которые здѣсь отличаются замѣчательно малою величиной. Лошадей и коровъ сравнительно очень мало. Верблюдовъ и яковъ нѣтъ совсѣмъ уже потому, что по узкимъ горнымъ тропинкамъ, ведущимъ въ Рошанъ и Шугнанъ, нѣтъ возможности провести этихъ животныхъ.

Главнымъ занятіемъ жителей является, такимъ образомъ, земледѣліе. Каждый клочекъ земли, годный для обработки, немедленно обращается подъ пашню. Иногда встрѣчаются участки полей между скалами всего въ 2, 3, 5 кв. сажень. Болѣе пологіе склоны у основанія горъ террасируются и дѣлятся на узкія полоски полей,

подпертыя съ нижняго конца каменными стѣнами. Правда, въ Шугнанѣ, особенно по Пянджу къ югу отъ устья Гунга, встрѣчаются участки годные для земледѣлія, но не обработанные; но все это мѣста, покинутыя жителями вслѣдствіе политическихъ волненій и еще не заняты новыми пришельцами. Объ этомъ наглядно свидѣлствуютъ развалины жилищъ и заросли одичалыхъ абрикосовъ, грушъ и яблонь. Мѣстъ же, сколько-нибудь годныхъ для земледѣлія и не бывшихъ въ обработкѣ, кажется, нѣтъ во всемъ краѣ.

Обработка земли всюду довольно тщательная. Поля пахутъ 2—4 раза, смотря по качеству почвы, обыкновеннымъ туркестанскимъ *омачемъ*, боронятъ связаннымъ пучкомъ колючихъ вѣтвей облепихи или барбариса. Очень мелкіе участки обрабатываютъ просто *кетменемъ*. За недостаткомъ участковъ для культуры, поля не оставляются подъ паромъ, но обрабатываются изъ года въ годъ. При этомъ, смотря по средствамъ, унавоживаютъ ихъ ежегодно или черезъ годъ; кромѣ того, устанавливаютъ нѣкоторый плодосмѣнъ, напр. послѣ бобовыхъ сѣютъ обыкновенно пшеницу.

Зерновые хлѣба сѣютъ или чистыми или въ смѣси между собою и другими растеніями. Просо и кунакъ (*Setaria italica*) всегда бывають очень чисты, пшеница бываетъ рѣдко чистая, обыкновенно же съ большею или меньшею примѣсью ржи, какъ и во всемъ Туркестанскомъ краѣ. Надо замѣтить только, что здѣсь эта примѣсь не считается чѣмъ-нибудь нежелательнымъ, такъ какъ рожь сама по себѣ представляетъ здѣсь цѣнное растеніе. Ячмень сѣется или въ чистомъ видѣ или въ смѣси съ горохомъ. Рожь бываетъ чистая чрезвычайно рѣдко, обыкновенно же въ смѣси, чаще всего съ чинной, а также съ бобами или горохомъ. Бобовыя вообще не сѣются самостоятельно, а лишь въ смѣси со злаками и притомъ въ разныхъ пропорціяхъ. Кромѣ, такъ сказать, болѣе или менѣе установленныхъ смѣсей, какъ ячменя съ горохомъ и ржи съ чинной, встрѣчаются самыя разнообразныя комбинаціи. Иногда ржи почти не видно, а все поле занято бобовыми, чинной или горохомъ, часто же бобовыхъ такъ мало, что они имѣютъ видъ случайной примѣси. Иногда на одномъ полѣ растутъ и рожь, и ячмень, и пшеница, горохъ, бобы и чинна въ такой смѣси, что нельзя и понять, что собственно было тутъ посеяно. Прибавьте къ этому массу сорныхъ травъ, часто высокорослыхъ, которыми порастаетъ все поле, такъ что иногда культурныхъ растеній почти не видно, и вы получите картину, которую едва-ли можно видѣть гдѣ либо въ другой странѣ.

При видѣ этого невообразимаго хаоса, этой страшной запущенности полей очень легко обвинить жителей въ лѣности и нерадѣніи. Однако этотъ упрекъ едва-ли будетъ справедливымъ. Если сопоставить съ только что набросанной картиной культуру проса, кунака и льна, на поляхъ которыхъ мы не найдемъ ни одной сорной травки и вообще никакой примѣси, если вспомнить затѣмъ, сколько труда затрачивается при устройствѣ самыхъ полей, ихъ очищеніи отъ камней, террасированіи, обнесеніи каменными стѣнами и пр., то описанную запущенность полей ржи и ячменя едва-ли окажется возможнымъ приписать просто лѣни и небрежности жителей; скорѣе можно считать ее почти преднамѣренной, какъ результатъ определенной, хотя и своеобразной системы.

Дѣло въ томъ, что при крайней скудости природы края, бѣдности пастбищъ и почти полномъ отсутствіи сѣнокосовъ, туземцы принуждены дорожить вообще количествомъ растительной массы. При оцѣнкѣ урожая съ полей всегда принимается въ расчетъ и то количество сорныхъ травъ, которое можно утилизировать на кормъ скоту. При этомъ туземцы рассчитываютъ, что бурьяны не особенно помѣшаютъ ржи и ячменю, которыхъ они перерастаютъ уже къ ихъ созрѣванію, а между тѣмъ дадутъ достаточное количество сѣна. Когда мнѣ случалось, останавливаясь на ночлегъ, покупать сѣно для моихъ лошадей, то жители тотчасъ же шли на свои участки и въ короткое время набирали требуемое количество травы. Такимъ образомъ, постепенно выпалывая свои поля, они дѣлаютъ и запасы сѣна, собирая при этомъ, разумѣется, и отдѣльные растенія, выросшія по тропинкамъ, на склонахъ горъ и т. д. Особенно довольны жители, когда на поляхъ и по окраинамъ ихъ вырастаетъ много люцерны, которая и здѣсь очень цѣнится, какъ сѣно. Но поля люцерны, столь распространенныя во всемъ туркестанскомъ краѣ, здѣсь совершенно отсутствуютъ и утилизируются лишь сорные одичалые экземпляры. На вопросъ у жителей, почему они не сѣютъ люцерны, всегда получается отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что затѣмъ же ее сѣять, если она и сама растетъ у полей. Смѣшиваніе сѣмянъ злаковъ и бобовыхъ дѣлается, конечно, намѣренно и представляетъ вообще выгодную комбинацію, которая въ большемъ употребленіи и въ Европѣ. Но при культурѣ этихъ смѣсей изъ года въ годъ, вслѣдствіе недостаточной сортировки зерна и осыпанія сѣмянъ предыдущаго урожая, принятыя пропорціи весьма мѣняются и получаются довольно безпорядочныя смѣси, о которыхъ мы и говорили выше.

Какъ я уже замѣтилъ, культура проса, кунака, также какъ льна и рапса, производится весьма тщательно и на поляхъ этихъ растений мы не найдемъ ни примѣсей, ни сорныхъ травъ. Еще съ большимъ стараніемъ производится культура хлопка. Поля этого растенія тщательно выпалываются, промежутки между кустиками разрыхляются. Однако на этихъ поляхъ мы очень часто встрѣчаемъ примѣси. Отдѣльные экземпляры кунжута, маиса, иногда и клещевины, выросшіе изъ случайно попавшихъ сѣмянъ, оставляются и заботливо выращиваются, между тѣмъ какъ отдѣльныхъ культуръ этихъ растений мнѣ не приходилось встрѣчать въ Рошанѣ и Шугнанѣ. Этотъ фактъ показываетъ, до какой степени дорожатъ туземцы всякою лишнею щепоткою сѣмянъ, всякимъ растеніемъ, которое можно такъ или иначе утилизировать.

Время жатвы для хлѣбовъ и бобовыхъ растений наступаетъ, смотря по высотѣ мѣстности, отъ начала до конца августа. Самая жатва производится такимъ образомъ, что хлѣбъ вмѣстѣ со всѣми сорными травами вырывается просто руками и связывается въ небольшие снопы. Самое поле при этомъ остается совершенно чистымъ и даже какъ бы вспаханымъ. Сравнительно рѣже употребляется серпъ и только для болѣе чистаго хлѣба, но и то не всегда. Снопы хлѣба съ бурьяномъ, среди котораго часто трудно и разсмотрѣть колосья, складываютъ прямо на полѣ или на огромные плоскіе камни, часто лежащіе у подножія горъ, и сушатъ ихъ; затѣмъ начинаютъ молотить. Для этого кладутъ въ кругъ сноповъ до 400 и гоняютъ по нимъ быковъ. Четыре или пять быковъ могутъ смолотить данное количество въ теченіе двухъ дней. При этомъ стебли всѣ превращаются въ мелкую труху, въ которой однако, какъ я замѣтилъ, остается много сломанныхъ колосьевъ съ необмолоченными зернами. Эта труха идетъ на кормъ скоту. Сѣмена какъ культурныхъ, такъ и сорныхъ травъ и съ примѣсью мелкихъ галекъ отбиваются отъ соломы и затѣмъ сортируются посредствомъ ситъ съ отверстиями разной величины.

Въ Рошанѣ и Шугнанѣ культивируются на поляхъ слѣдующія растенія:

Ячмень (по мѣстн. арна)—самое распространенное культурное растеніе, которое воздѣлывается всюду отъ самой нижней зоны до границы земледѣлія (Шонъ-буватъ—10300'). Во всемъ краѣ существуетъ лишь одинъ сортъ ячменя, именно голый гималайскій (*Hordeum hexastichum* L. var. *himalayense*. Rittig, Köpcke

относить эту форму къ *H. tetrastrichum*, но мнѣ кажется ее правильнѣе отнести къ шестирядному ячменю).

Пшеница (гандомъ) распространена не менѣе ячменя, хотя нѣсколько болѣе чувствительна къ холодамъ. На самыхъ высокихъ пунктахъ, какъ напр. Шонъ-буватъ (10300'), гдѣ ячмень еще хорошо родится, пшеница сѣется только въ особо благоприятные годы. Но ниже 9500' она культивируется всюду наравнѣ съ ячменемъ.

Сорта пшеницы, воздѣлываемые въ Рошанѣ и Шугнанѣ, относятся главнымъ образомъ, къ *обыкновенной* пшеницѣ, встрѣчающейся въ нѣсколькихъ разновидностяхъ. Изъ нихъ наиболѣе распространена var. *gracuum* Kscke,—форма съ гладкими остистыми колосьями. Часто встрѣчается также var. *lutescens* Alef. т. е. форма съ голыми безостыми колосьями и красноватыми зернами. Рѣже встрѣчается форма съ бархатистопушистыми колосьями, снабженными остями.

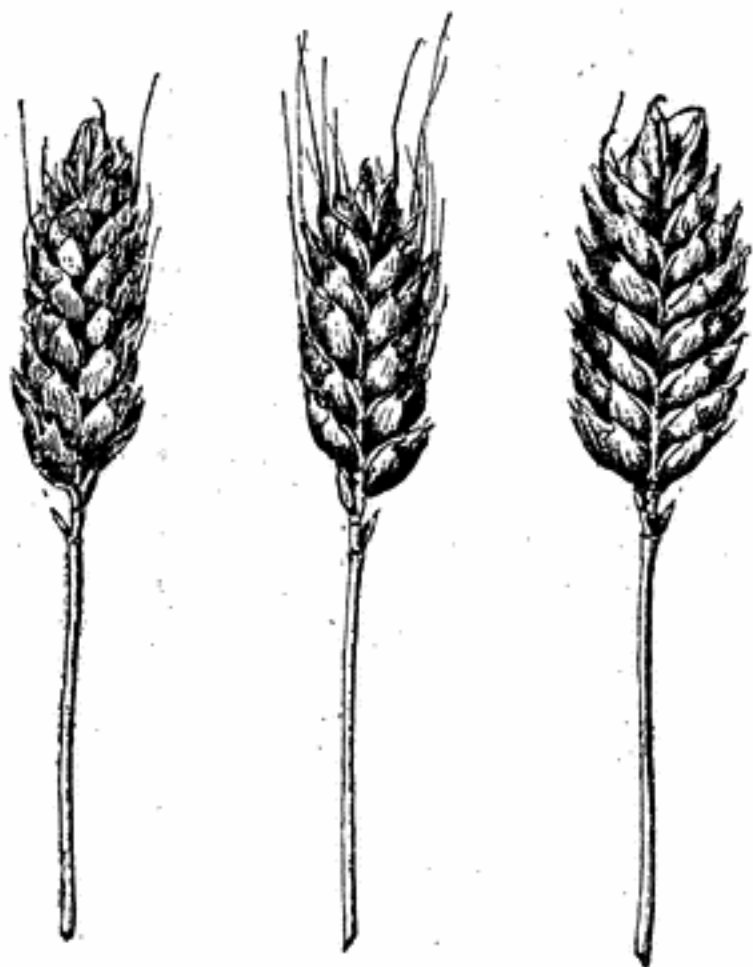
У всѣхъ названныхъ формъ колосъ сравнительно небольшой (6—9 сант. длины) и довольно плотный. Но кромѣ того на р. Гунгѣ культивируются двѣ формы, значительно отличающіяся отъ предъидущихъ крупнымъ (12—15 сант. длины) и довольно рыхлымъ колосомъ, густо покрытымъ снизу палетомъ. Одна изъ нихъ снабжена остями, а другая безостая. Этимъ формамъ я затрудняюсь найти мѣсто среди описанныхъ уже разновидностей пшеницы, систематика которыхъ, кетати сказать, въ томъ видѣ, какъ она разработана Кернике, страдаетъ слишкомъ большою искусственностью. Кромѣ обыкновенной пшеницы въ предѣлахъ Рошана встрѣчается еще—акъ называемая *кулякъ гандомъ* (или кулякъ джандомъ), она принадлежитъ къ *Triticum compactum* Host. и составляетъ особую разновидность, которую можно назвать var. *Roschanum*.

Эта форма (смотри рисунокъ) отличается короткимъ плотнымъ колосомъ, нѣсколько сжатымъ съ бѣковъ, около 4" сант. длины и 1,5 сант. ширины. Чешуи красноватаго цвѣта, безъ остей, зерна желтоватыя. Встрѣчаются экземпляры и съ остями, но довольно короткими, собранными главнымъ образомъ въ верхней части колоса или вообще неправильно расположенными. Экземпляры съ остями имѣютъ кромѣ того не столь типичную, болѣе вытянутую форму колоса и, вѣроятно, представляютъ продуктъ скрещиванія съ обыкновенною пшеницей, нерѣдко встрѣчающейся въ качествѣ примѣси, на поляхъ среди *Tt. compactum*.

Описанная форма культивируется въ значительномъ количествѣ по р. Баргангу около д. Барчилива, Нусура, Орошора и Таш-

Кургана, на высоте 8000—8500'. В других местах я не наблюдал данной формы.

Рожь (ляпакъ; *Secale cereale* L. var. *vulgare* Kcke) занимает также среди зерновых хлебов одно из самых важных мест после ячменя и пшеницы. Как примесь к этой последней, она встречается всюду, где разводится пшеница. Гораздо реже она культивируется отдельно и притом лишь в более теплой полосе, как например по Шах-дарь около Менды-шара (8000')

и ниже. Между устьемь Гунта и Кала-и-Вамаромь по р. Пянджу она разводится в большом количестве в смеси с бобовыми, особенно с чинной и реже с бобами.

Просо (тайрыкъ; *Panicum miliaceum* L.) разводится значительно в меньшем количестве и притом лишь в более теплой зоне. По Шах-дарь оно появляется не выше 8000', по Гунту приблизительно с той же высоты, по Бартангу же доходит до Ташь-Кургана, т. е. почти до 8500'. Можно различать две разно-

видности проса, культивируемая в описанной стране. Одна из них из группы *effusum*, отличается небольшим ростом и тонким стеблем 40—60 сант. вышины. Ее метелка ланцетной формы, 12—18 сант. длины, 8—12 сант. вышины, прямостоячая с расходящимися ветвями. Пленки зеленые, реже краснобурый; зерна светложелтые или сѣроватожелтые. Эта форма разводится главным образом по Бартангу от устья его до Шапъ-кургана. Другая форма относится к группе *coarctatum*. Ее стебель выше (60—80 см.) и толще, метелка густая, 18—20 см. длины, 6—8 см. ширины, немного поникшая в одну сторону. Чешуи зеленые. Зрѣлых зерновокъ я не видѣлъ. Эта форма распространена по Шахъ-дарь, Гунту и по Пянджу до Кала-и-Вамара.

Panicum italicum L. (купакъ) воздѣлывается еще в меньшем количестве и притом в той же полосе, как и просо. Встрѣчается лишь форма с простыми колосовидными метелками, очень редко (у отдельных особей) с сложными. Чешуи и ости зеленого цвѣта. Чтобы закончить затѣмъ со злаками, я упомяну еще, что кукурузу я видѣлъ лишь в огородахъ около Кала-и-Вамара. Рисъ, какъ говорятъ, разводился еще лѣтъ 50 тому назадъ около устья Гунта т. е. на высотѣ 6500'. Но арыкъ, орошавшій рисовыя поля, былъ разрушенъ однимъ бухарскимъ бекомъ и съ тѣхъ поръ культура эта прекратилась.

После зерновых хлебов, особенно важное значение в быту туземцевъ имѣютъ различные бобовыя, и именно слѣдующіе виды:

Горохъ (бурчакъ; *Pisum sativum* L.) наиболее широко распространенъ во всемъ краѣ до самыхъ высокихъ пунктовъ (по Шах-дарь до 10300'), где только существуетъ земледѣліе. Сѣется обыкновенно в смеси с ячменемъ, реже с рожью. Разводится исключительно такъ называемая var. *argense* (*P. argense* L.).

Бобы (бакаланъ, *Vicia faba* L.) также разводится в большомъ количестве, но не заходитъ такъ высоко, какъ горохъ. По Шахъ-дарь я его наблюдалъ с высоты 8800', по Гунту около 8000'; около Ташь-кургана и прилежащихъ деревень я не наблюдалъ этого растенія, хотя не рѣшусь утверждать, что его тамъ не разводятъ.

Чина (хедэй; *Lathyrus sativus* L.) культивируется в более теплой полосе Рохана и Шугнана. По Шахъ-дарь я встрѣтилъ ее впервые около д. Мендышара (8100'); около Хорога и затѣмъ по р. Пянджу она разводится в довольно большомъ количестве и сѣется всегда вмѣстѣ с рожью, служащей поддержкой для ее сла-

быхъ стеблей. Отъ европейской наша форма отличается яркими синими цвѣтами съ фіолетовымъ отливомъ и составляетъ особую разновидность, которую можно назвать *var. azurea*.

Ciseg arietinum L. (реванъ) разводится не часто. Я видѣлъ его лишь по р. Гунту около д. Ривакъ (7800') и прилежащихъ мѣстностяхъ. Сѣется часто въ смѣси съ рожью, но иногда и отдѣльно. Незрѣлые стручки его употребляются въ пищу сырыми, зрѣлые же сѣмена ѣдятъ вареными или обращаютъ въ муку и смѣшиваютъ съ мукою зерновыхъ злаковъ и другихъ бобовыхъ.

Изъ другихъ бобовыхъ нужно упомянуть про *Phaseolus Mungo* L. и *Vigna Catiang* Endl., которыя встрѣчаются лишь въ самой теплой зонѣ, вдоль по р. Пянджу. Оба вида разводятся въ очень небольшихъ количествахъ и притомъ обыкновенно на поляхъ хлопчатника въ видѣ примѣси. Эти двѣ формы не различаются многими жителями и носятъ общее названіе «машъ». Это обстоятельство уже само по себѣ достаточно указываетъ на малое распространеніе данныхъ растений въ краѣ ¹⁾.

Изъ другихъ растений, употребляющихся въ пищу, надо назвать брюкву (*Brassica Napus* L. *var. garifera*), которая разводится на поляхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Гунту (д. Виръ, около 9100') и по Бартангу около Нусура (8.100'), а также около Кала-и-Вамара, откуда гунтскіе жители и доставятъ сѣмена. Мѣстное названіе ея—сарынь.

Я наблюдалъ два сорта этого растения, изъ которыхъ одинъ, Гунтскій, имѣлъ мелкіе, гладкіе сверху клубни, 5—6 см. въ діаметрѣ, шаровидно-сплюснутой или коротко-веретенообразной формы. Кора тонкая нѣжная, снаружи бѣлаго цвѣта или въ верхней части красновато-фіолетовая. Мясо совершенно бѣлое, очень сладкое, съ очень слабымъ запахомъ и вкусомъ обыкновенной рѣпы. Вторая форма, которую я наблюдалъ на р. Бартангѣ, отличалась болѣе крупнымъ сплюснутымъ клубнемъ, 10—12 см. въ діаметрѣ, бѣлаго цвѣта, съ рубчатой, т. е. покрытой глазками, верхнею поверхностью. Кора толстая, грубая, мясо бѣлое, не столь сладкое, съ сильнымъ специфическимъ запахомъ и вкусомъ рѣпы. Пучки листьевъ выходили не только изъ центра клубня, но и изъ глазковъ на его периферіи. Нерѣдко центральный пучекъ листьевъ давалъ стебель, достигающій цвѣтенія; при этомъ клубень дѣлался меньше и грубѣе,

¹⁾ Въ Ферганѣ и вообще по всемъ Туркестанскомъ краѣ, а также въ Закаспійской области «машемъ» назыв. *Phaseolus Mungo*; *Vigna Catiang* же носитъ названіе «лѣбья».

но не редуцировался вовсе, какъ у первой формы. Все растеніе было крупнѣе и по общему виду значительно уклонялось отъ предыдущей формы, но на сухихъ экземплярахъ я не могъ найти уловимыхъ ботаническихъ признаковъ, отличающихъ обѣ формы.

Изъ масличныхъ растений я укажу прежде всего на рапсъ, составляющій въ ботаническомъ смыслѣ лишь разновидность предыдущаго вида (*Brassica Napus* L. *var. oleifera*; мѣстное названіе лятокъ). Это растеніе очень распространено въ возвышенной зонѣ Рошана и Шугнана. Я встрѣчалъ поля его по Шахъ-дарѣ около Мазара (10000') и Будыза (8800), по Гунту около д. Виръ (9100) и по Бартангу въ д. Нусуръ (8100'). Сѣмена этого вида служатъ специально для освѣщенія. Для этой цѣли ихъ растираютъ камнемъ въ кашу и обкатываютъ этою послѣднею прутки ивы. Получается такимъ образомъ нѣкоторое подобіе свѣчей, которыя горятъ желтымъ пламенемъ и даютъ очень много копоти. Въ болѣе теплой зонѣ я не встрѣчалъ полей съ рапсомъ.

Индау (*Egusa sativa* Lam.), столь распространенная въ Туркестанѣ и вообще въ средней Азии, въ Рошанѣ и Шугнанѣ, насколько мнѣ извѣстно, вовсе не культивируется. Я видѣлъ его лишь сорнымъ въ Кала-и-Вамарѣ.

Ленъ (*Linum usitatissimum* L.; зыгиръ) занимаетъ небольшіе участки полей вдоль по р. Пянджу между устьемъ Гунта и Кала-и-Вамаромъ. Какъ и вообще въ туркестанскомъ краѣ, онъ воздѣлывается въ этой области лишь для полученія сѣмянъ.

Сафлоръ (*Carthamus tinctorius* L.; мѣст. назв. мосфаръ; въ Ферганѣ же—махсаръ) разводится въ нѣсколько большемъ количествѣ въ той же зонѣ, т. е. вдоль по р. Пянджу отъ Кала-и-Вамаръ до устья Гунта; также около Хорога.

Подсолнечникъ (*Helianthus annuus* L.) я видѣлъ лишь около Кала-и-Вамара; имъ тамъ обсаживаютъ иногда края хлопковыхъ плантаціи. Изъ сѣмянъ добываютъ масло.

Кунжутъ (*Sesamum indicum* DC.) культивируется изрѣдка въ теплой зонѣ вдоль Пянджа отъ Кала-и-Вамара до устья Гунта и южнѣе до р. Нишусъ (6800'). Я встрѣчалъ его лишь какъ примѣсь на поляхъ хлопка, но примѣсь, безъ сомнѣнія, намѣренно оставляемую. Онъ образуетъ очень низкіе кустики, всего 30—40 ст. вышины. Отдѣльныхъ участковъ, засѣянныхъ сплошь кунжутомъ, мнѣ не приходилось наблюдать.

Равнымъ образомъ и клещевину (*Ricinus communis* L.) я видѣлъ лишь отдѣльными экземплярами среди хлопка около Кала-и-

Вамара. Она здѣсь очень малоросла, не выше 40—50 см. вышиною, но даетъ зрѣлыя сѣмена, масло которыхъ употребляется какъ лекарство. Туземцы называютъ это растеніе «беданжиръ».

Изъ прядильныхъ растений въ предѣлахъ Рошана и Шугнана извѣстно только одно, именно хлопокъ (*Gossypium herbaceum* L.). Онъ разводится небольшими участками, но очень тщательно и на самыхъ лучшихъ земляхъ въ долину Пянджа отъ Кала-и-Вамара до устья Гунта и южнѣе до д. Нишусъ, т. е. въ зонѣ отъ 6300' до 6800'. Хлопокъ этотъ чрезвычайно малорослый, всего 20—35 см. вышиною и даетъ очень небольшое количество коробочекъ, вызрѣвающихъ поздней осенью. Изъ волоконъ его выдѣлывается такъ называемая *мата*, родъ грубой некрашеной ткани, которая служитъ, кромѣ сукна, единственной употребительной матеріей для одежды мужчинъ и женщинъ.

Огородная культура развита въ Рошанѣ и Шугнанѣ весьма мало. Кромѣ того самые способы огородной культуры здѣсь не специализированы, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, и обработка тѣхъ клочковъ земли, которые слѣдовало бы назвать огородами, не отличается почти отъ обработки мелкихъ участковъ поля. Только около Кала-и-Вамара, въ казенномъ саду при крѣпости, служившей резиденціей бека, я видѣлъ нѣкоторое подобіе огорода въ обычномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ раздѣленъ на грядки, на которыхъ разводилось довольно много видовъ, изъ которыхъ я нѣкоторыхъ болѣе нигдѣ не встрѣчалъ въ предѣлахъ описываемой страны.

Наиболѣе распространенное растеніе изъ числа огородныхъ это табакъ (*Nicotiana glauca*). Во всемъ краѣ почти всюду, начиная отъ Пянджа до 9000—9200' высоты, около каждой хижины есть небольшой участокъ, отведенный подъ это растеніе. При этомъ по нѣскольку экземпляровъ обыкновенно оставляется на сѣмена, у другихъ же верхушка обламывается, отчего листья дѣлаются крупнѣе и толще. Употребляется табакъ исключительно въ видѣ порошка изъ зеленыхъ, т. е. не подвергавшихся броженію листьевъ. Этотъ порошокъ жители кладутъ въ ротъ за щеку, какъ вообще туземцы Туркестана. Курятъ же они чрезвычайно рѣдко, пользуясь, сколько мнѣ пришлось замѣтить, лишь случайными подачками табака. Затѣмъ, для добыванія опиума часто воздѣлывается макъ, но уже въ болѣе теплой зонѣ (до 8000'). Арбузы и мелкія дыни разводятся изрѣдка и въ небольшомъ количествѣ вдоль р. Пянджа отъ Кала-и-Вамара до д. Нишусъ (6800'). По Бартангу я видѣлъ дыни даже около д. Нусуръ и Барчиливъ (около 8100—8200'). Въ

двадцатыхъ числахъ августа (21—22) плоды ихъ были еще незрѣлы, но сколько можно судить, составляли особый сортъ, отличающийся отъ Ферганскихъ и вообще Туркестанскихъ породъ. Затѣмъ можно упомянуть лишь про тыкву (*Cucurbita Pepo*), которая разводится въ очень небольшомъ количествѣ вдоль Пянджа и до 8500' (Ташъ-Курганъ), и кишинецъ, который изрѣдка сажается въ огородахъ (Хорогъ, Кала-и-Вамаръ). Горлянку (*Lagenaria vulgaris* Ser.), равно какъ лукъ и укропъ я видѣлъ лишь въ упомянутомъ выше огородѣ въ Кала-и-Вамарѣ, гдѣ они разводились, какъ рѣдкость, видимо изъ привозныхъ сѣмянъ. Здѣсь же я видѣлъ и крессъ-салатъ (*Lepidium sativum*), но по всей вѣроятности лишь случайно занесенный.

Къ разведенію деревьевъ туземцы Рошана и Шугнана очень склонны; особенно любятъ они плодовые деревья, которыми и окружаютъ свои сакли всюду, гдѣ только позволяетъ это климатъ. Плоды служатъ у нихъ любимымъ угощеніемъ, горсть абрикосовъ или мелкихъ яблоковъ считается лучшимъ гостинцемъ, который несется для подарка иногда за нѣсколько десятковъ верстъ. Самое распространенное изъ всѣхъ плодовыхъ деревьевъ есть *тутъ*, или шелковица (*Morus alba*). Оно разводится въ наибольшемъ количествѣ всюду, гдѣ только выдерживаетъ климатъ, именно вдоль Пянджа на всемъ протяженіи, а также по его притокамъ приблизительно до 8000'. Около Ташъ-Кургана (8500') есть лишь одно старое дерево, единственное въ окрестностяхъ, которое приноситъ ежегодно нѣкоторое количество плодовъ.

Во всемъ краѣ разводится почти исключительно форма съ бѣлыми плодами (*Morus alba*). Плоды ея имѣютъ важное значеніе для жителей; ихъ собираютъ, сушатъ, затѣмъ толкутъ и полученную муку сыпаютъ въ особыя помѣщенія, гдѣ она слеживается въ сплошную, хотя и довольно рыхлую массу. Этотъ продуктъ называется *тутъ-ныстъ*, онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ сахара и вкусомъ похожъ на грубую пастилу. Этотъ продуктъ имѣетъ важное пищевое значеніе для жителей, хотя и не такое, какъ въ Дарвазѣ. Именно, въ Рошанѣ и Шугнанѣ *тутъ-ныстъ* употребляется какъ подспорье къ пицѣ и отчасти какъ лакомство, между тѣмъ какъ въ Дарвазѣ, напр. на Ванчѣ, онъ составляетъ главную ежедневную пищу жителей, такъ какъ хлѣбъ тамъ представляетъ лакомство, употребляемое лишь для угощенія гостей и вообще въ торжественныхъ случаяхъ. Черный *тутъ* (*Morus nigra*) по кислотоватому вкусу своихъ плодовъ не годится для приготовленія *тутъ-ныстъ* и по-

тому сажается чрезвычайно рѣдко лишь богатыми людьми. Въ описываемомъ краѣ я видѣлъ его лишь въ Кала-и-Вамарѣ въ казенномъ саду.

Послѣ тутъ самымъ распространеннымъ и самымъ любимымъ плодовымъ деревомъ является *урюкъ* т. е. абрикось (*Prunus Armeniaca*). Онъ разводится въ изобиліи по всему побережью р. Пянджа отъ Кала-и-Вамара до д. Нишусь, а по притокамъ названной рѣки заходитъ выше, чѣмъ тутъ, именно приблизительно до 8500'. По ручью Обигармъ - чашма, впадающему въ р. Пянджъ ниже Гунта, я видѣлъ одичалый кустъ урюка съ мелкими незрѣлыми плодами, приблизительно на высотѣ 9000'. По Бартангу онъ разводится не только въ Ташъ-курганѣ и д. Барчилиивѣ (около 8500'), но даже въ Сарезѣ (вѣроятно около 9000'). Плоды урюка употребляются въ пищу сырыми и сушеными и играютъ видную роль въ хозяйствѣ туземцевъ. Существуетъ нѣсколько сортовъ абрикоса, разводимыхъ въ Рошанѣ и Шугнанѣ. Они отличаются между собою какъ размѣрами плодовъ, такъ ихъ формой, окраской и отчасти вкусомъ. Но по большей части эти сорта принадлежатъ къ очень широко распространеннымъ и не представляютъ ничего характернаго. Поэтому я отмѣчу лишь двѣ формы, которыя болѣе рѣзко отличаются отъ остальныхъ и не были наблюдаемы мною въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана. Одинъ изъ этихъ сортовъ разводится въ довольно большомъ количествѣ около Кала-и-Вамара (вмѣстѣ съ другими). Онъ отличается яйцевидными плодами, сильно суженными кверху, около 4 ст. длины и около 3,5 ст. въ діаметрѣ. Плоды снабжены очень глубокой бороздкой, цвѣта яркожелтаго съ густымъ румянцемъ. Косточка небольшая, вышуклая съ сильно оттянутымъ кончикомъ. Мякоть плода очень сочная, съ болѣе кислымъ и освѣжающимъ вкусомъ, чѣмъ обыкновенные сорта. Другой сортъ, который можно назвать бартангскимъ, разводится по Бартангу уже у верхней границы культуры абрикоса, именно въ Нусурѣ, Ташъ-курганѣ, Барчилиивѣ и Сарезѣ. Плоды его мелкіе, всего 22—28 мм. въ діаметрѣ, съ относительно крупной косточкой, желтаго цвѣта, почти безъ румянца. Мякоть очень грубая, пронизанная сосудистыми пучками, кислая и невкусная. Этотъ сортъ отличается также своими листьями, которые болѣе толсты, къ основанію болѣе сужены, а къ верхушкѣ сильно вытянуты. Это есть самая стойкая и выносливая, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая грубая порода абрикоса, которая по качеству плодовъ, вѣроятно, наиболѣе приближается къ родоначальной формѣ. Но дикій абрикось, который я наблюдалъ въ Ферган-

ской области, въ горахъ, имѣлъ нѣсколько иную форму листьевъ болѣе приближающуюся къ культурнымъ расамъ.

Яблоня тоже значительно распространена въ Рошанѣ и Шугнанѣ, но разводится въ меньшемъ количествѣ и имѣетъ меньше значенія. Она разводится по Пянджу на всемъ протяженіи отъ Кала-и-Вамара до д. Нишусь и вѣроятно выше, по Шахъ-дарѣ д. Менды-шара (8100'), по Гунту до д. Ривакъ (7800'), по Бартангу до Ташъ-кургана (8500'). Въ болѣе теплыхъ частяхъ по Пянджу яблоки получаютъ довольно хорошаго качества, румяныя, хотя и мелкія, приблизительно около 5 ст. въ діаметрѣ. У верхней же границы своего распространенія яблоня приноситъ очень мелкіе плоды, всего 3,5 или 3 см. въ діаметрѣ, зеленые, кислые. По Пянджу еще разводится особый сортъ яблони съ крупными, вызрѣвающими поздною осенью плодами, но мнѣ не удалось ихъ видѣть.

Груша разводится еще въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ яблоня. Я наблюдалъ ее по Шахъ-дарѣ около Менды-шара и ниже, кое-гдѣ по р. Пянджу отъ Кала-и-Вамара до д. Нишусь. Еще выше, около Андероба, въ долинѣ Пянджа, встрѣчаются цѣлыя заросли одичалыхъ грушъ. Зрѣлыхъ плодовъ груши мнѣ не случалось однако видѣть.

Черешня (*Prunus avium*) разводится въ очень небольшомъ количествѣ, мѣстами въ низовьяхъ Шахъ-дары и по Пянджу отъ устья Гунта до Кала-и-Вамара. Плоды желтые съ румянцемъ, сладкіе. Персики встрѣчаются въ садахъ отъ Кала-и-Вамара до Хорога, изрѣдка и въ небольшомъ количествѣ. Зрѣлыхъ плодовъ я не видѣлъ.

Алычу (*Prunus cerasifera* Ehrh. var.) я видѣлъ лишь въ казенномъ саду около Кала-и-Вамара. Это былъ особый культурный сортъ, отличающійся отъ дикорастущей формы (которая разводится также въ садахъ Ферганы) крупными шаровидными плодами въ 2—2,5 см. въ діаметрѣ, вислыми на плодоножкѣ такой-же величины. Кожница гладкая желтая, мякоть сочная сладкая.

Въ томъ же саду, въ Кала-и-Вамарѣ, я встрѣтилъ неожиданно еще одинъ видъ сливы, который былъ до сихъ поръ еще неизвѣстенъ въ Туркестанѣ, а именно *Prunus tomentosa* Thunb. Этотъ видъ въ дикорастущемъ состояніи извѣстенъ въ сѣверномъ Китаѣ и южной Манчжуріи; онъ указывается также въ западныхъ Гималаяхъ (Кашмирѣ) и западномъ Тибетѣ (Ладакѣ), но справедливость этихъ данныхъ еще подвержена сомнѣнію. Въ культурѣ *Prunus tomentosa* очень распространена въ Китаѣ и Японіи, изрѣдка разводится и въ средней Европѣ. Та форма, которую я нашелъ въ Ро-

шанѣ, отличается отъ типичной бѣлыми совершенно голыми плодами (у типичной красные плоды, величиною съ обыкновенную вишню, покрыты рѣдкими волосками), почему я предлагаю ее называть var. leucosagra. Отечество ее пока остается неизвѣстнымъ.

Виноградъ разводился лишь въ Кала-и-Вамарѣ (6300'), но былъ вырубленъ афганцами. Онъ растетъ, какъ говорятъ, даже и въ Хорогѣ (6500'), но плоды его почти никогда не вызрѣваютъ. Грецкій орѣхъ встрѣчается въ садахъ вдоль Пянджа, около Кала-и-Вамара часто, въ другихъ мѣстахъ рѣже, но доходитъ до д. Нишусъ (6800'). Наконецъ можно упомянуть еще про джиду (*Eleagnus angustifolius*), который сажается кое-гдѣ по Пянджу.

Изъ неплодовыхъ деревьевъ надо назвать *чинаръ* (*Platanus orientalis*) и *карагачъ* (*Ulmus campestris*), которые я видѣлъ около Кала-и-Вамара, а также пирамидальный тополь, который встрѣчается, хотя вездѣ, но во многихъ мѣстахъ. Я видѣлъ его въ немногихъ экземплярахъ даже въ Ташъ-курганѣ, т. е. около 8500'. Также и тополь, растущій дико по Шахъ-дарѣ до высоты 10000', иногда сажается туземцами въ садахъ. Этотъ видъ представляетъ по всей вѣроятности новую форму, ближе еще неизслѣдованную мною.

Въ заключеніе еще надо упомянуть о нѣкоторыхъ дикорастущихъ растеніяхъ, которыми пользуются туземцы. Въ качествѣ красильныхъ растеній употребляется обыкновенная марена (*Rubia tinctorum*), которая растетъ одичало по р. Пянджу, а также другой видъ марены, ближе еще неизслѣдованный, встрѣчающійся дико по горнымъ склонамъ вдоль Шахъ-дары и Гунта. Онъ носитъ мѣстное названіе «ардынъ» или ардынъ». Для дубленія и окраски кожъ, изъ которыхъ шьются мѣстные сапоги, употребляется, такъ называемый «вамбонъ», именно кора съ корней одного вида ивы. Затѣмъ изъ полезныхъ дикорастущихъ растеній можно назвать лишь *Resulgovum alpinum* (по туземному «местъ»), молодые побѣги котораго иногда употребляютъ въ пищу. Корни его не идутъ здѣсь въ дѣло и дубильныя ихъ свойства неизвѣстны мѣстнымъ жителямъ.

Относительно другихъ полезныхъ растеній Рошана и Шугнана я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній, такъ какъ туземцы отзываются, что у нихъ не растетъ никакихъ цѣнныхъ травъ. Я дѣйствительно не находилъ въ предѣлахъ Рошана и Шугнана тѣхъ видовъ *Agum*, *Egeminus* и др., которые въ сосѣднемъ Дарвазѣ имѣютъ пищевое значеніе.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ я сопоставляю верхніе предѣлы

культурныхъ растеній Рошана и Шугнана, по моимъ наблюденіямъ:

ячмень	10300'.	
пшеница	10000—10300'.	
рожь	10000—10300'.	
просо	8000—8500'.	
кунакъ	8000—8500'.	
кукуруза	6300' (въ огор.).	
горохъ	10300'.	
бобы	8000'.	
чина	8100'.	
<i>Cicer arietinum</i>	7800'.	
машъ	6800'.	
лобъе	6800'.	
брюква	9100'.	
рапсъ	10000'.	
ленъ	6500'.	(безъ сомнѣнія, можетъ культивироваться и выше).
сафлоръ	6500'.	
подсолнечникъ	6300'.	
кунжутъ	6800'.	
клещевина	6300'.	
хлопокъ	6800'.	
табакъ	9200'.	
арбузъ	6800'.	
дыня	8200'.	
тыква	8500'.	
тута	8500'.	
абрикось	9000'.	
яблоня	8500'.	
груша	8100'.	
черешня	7000'.	
виноградъ	6300'.	
орѣхъ	6800'.	

По относительной высотѣ и, соотвѣтственно съ этимъ, по распределенію сельскохозяйственныхъ растеній культурные районы Рошана и Шугнана можно раздѣлить на три полосы.

Къ первой изъ нихъ, самой теплой, лежащей на высотѣ 6300—7000' надъ уровнемъ моря, относится долина Пянджа отъ Кала-и-Вамара до д. Нишусъ, а также низовья Бартанга и Гунта. Въ этой полосѣ могутъ разводиться всѣ вышеперечисленные культурныя растенія, а многія изъ нихъ имѣютъ здѣсь свой верхній предѣлъ и не переходятъ въ слѣдующую зону. Къ числу такихъ растеній относятся машъ, лобъе, мансъ, ленъ, сафлоръ, подсолнечникъ, кунжутъ, клещевина, хлопокъ, арбузъ, а изъ деревьевъ—черешня, виноградъ и орѣхъ. Впрочемъ, изъ нихъ болѣе важное значеніе въ хозяйствѣ имѣютъ лишь хлопокъ, ленъ и сафлоръ. Жители въ этой полосѣ занимаются почти исключительно земледѣліемъ и садоводствомъ.

Вторая полоса обнимаетъ нижнее и отчасти среднее теченіе рѣкъ Шахъ-дары, Гунта и Бартанга въ предѣлахъ отъ 7000' до 8500'. Этотъ районъ можно считать наиболѣе типичнымъ для всего края, такъ какъ культуры, распространенныя здѣсь, наиболѣе характерны и для нижележащей полосы. Преобладаютъ поля съ ячменемъ, пшеницей и рожью, а также съ бобовыми (горохомъ, чиною, бобами и Сисег) рѣже встрѣчается просо и кунакъ. Садоводство менѣе развито, но все-же почти у каждой сакли есть садикъ, засаженный тутомъ, абрикосомъ, яблоней и рѣже грушей. Скотоводство вообще мало развито, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ горахъ по близости есть удобныя пастбища, оно играетъ важную роль.

Третья полоса обнимаетъ долины притоковъ Пянджа, именно Шахъ-дары, Гунта и Бартанга, на высотѣ 8500—10300'. Въ этой зонѣ, вслѣдствіе суровости климата, земледѣліе играетъ уже подчиненную роль и служитъ лишь подспорьемъ въ быту жителей. Сѣютъ главнымъ образомъ ячмень, въ меньшемъ количествѣ пшеницу съ рожью. Изъ бобовыхъ разводится иногда лишь горохъ. Нѣкоторое значеніе имѣетъ рапсъ и брюква. Вслѣдствіе близости альпійскихъ пастбищъ, центръ тяжести хозяйства переносится на скотоводство, которое и дѣлается главнымъ занятіемъ жителей.

Разсматривая приведенныя выше данныя о верхнихъ предѣлахъ культурныхъ растеній, нельзя не замѣтить, что эти послѣднія въ Рошанѣ и Шугнанѣ поднимаются въ горы значительно выше, чѣмъ, напримѣръ, въ Ферганской области, и такой фактъ, напримѣръ, какъ культура хлопка до высоты 6800' можетъ дать поводъ думать, что описываемый край отличается замѣчательно теплымъ климатомъ, такъ какъ въ Ферганѣ культура хлопка не доходитъ и до 3500'.

Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, необходимо сравнить относительныя предѣлы однихъ и тѣхъ же растеній въ тѣхъ районахъ, гдѣ жители находятся въ сходномъ экономическомъ положеніи и слѣдовательно, имѣютъ одинаково сильныя побудительныя мотивы къ той или другой культурѣ. Такъ, въ сходномъ экономическомъ положеніи (хотя всетаки въ лучшемъ) съ рошанцами и шугнанцами находятся жители малаго Алая. Они точно также очень нуждаются въ хлѣбѣ и стараются сѣять его всюду, гдѣ возможно. На Алаѣ ячмень достигаетъ высоты 9500', пшеница же останавливается нѣсколько ниже, именно около 9000'. Въ Шугнанѣ и Рошанѣ ячмень доходитъ до 10300', пшеница же на этой высотѣ удается лишь въ особо благоприятные годы, такъ что за постоянную границу ея нужно принять меньшую величину, напр. около 10000'. Въ обоихъ случаяхъ это превышеніе на величину около 1000' надо всецѣло приписать вліянію климата.

Тоже самое даетъ и сравненіе границъ нѣкоторыхъ дикорастущихъ формъ съ культурными. Такъ, на склонахъ Ферганскаго хребта грецкій орѣхъ въ дикорастущемъ состояніи достигаетъ 6000', виноградъ, тоже дикій, 5000'. По р. Пянджу въ культурномъ состояніи первый изъ названныхъ видовъ достигаетъ 6800', второй 6300'. Результатъ получается сходный съ предыдущимъ, хотя эти данныя уже гораздо менѣе надежны, потому что здѣсь сравниваются формы растущія не при одинаковыхъ условіяхъ.

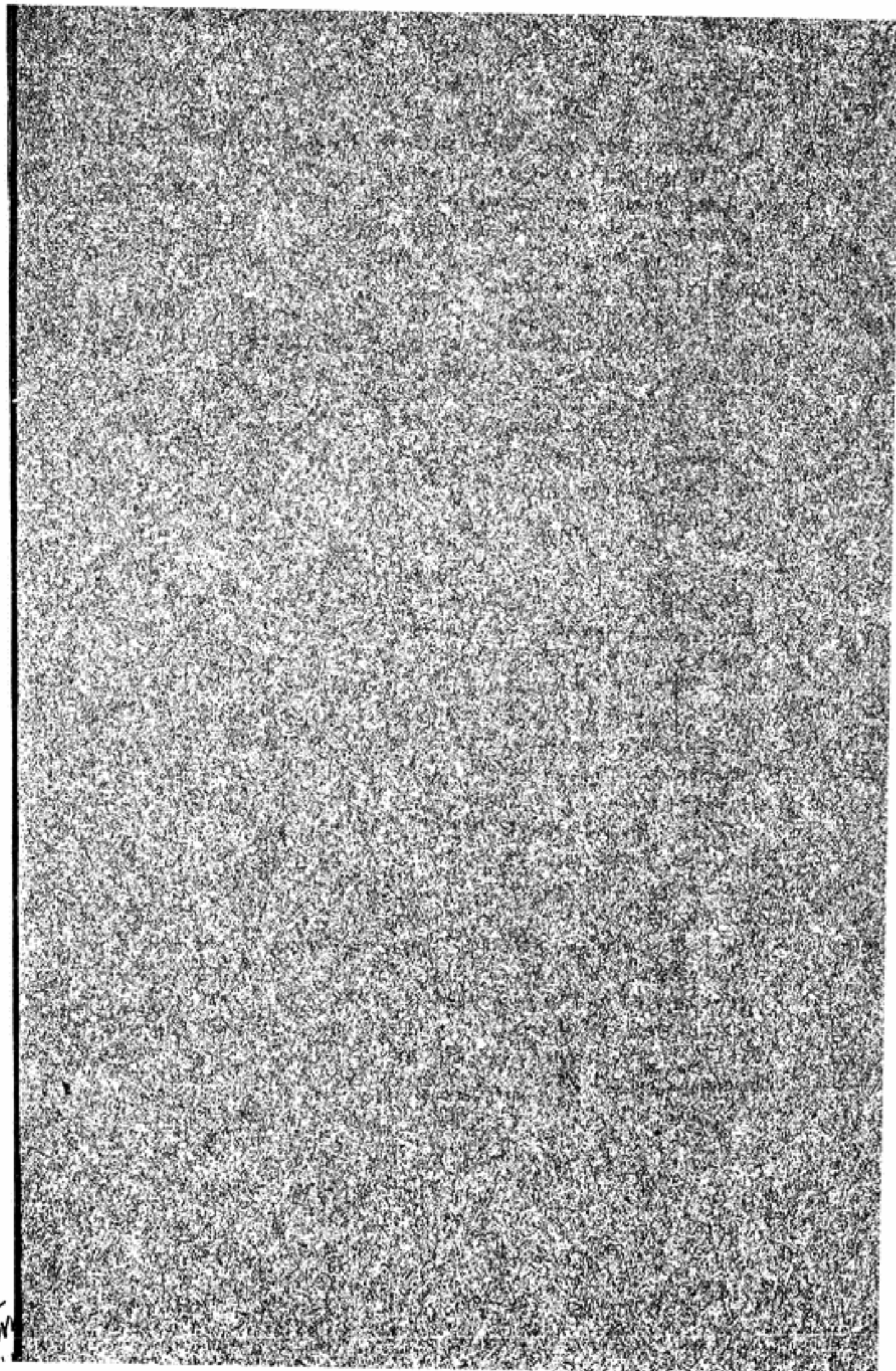
Но, если мы, сравнивая верхнюю границу культуры хлопка въ Ферганѣ (3500') и по Пянджу (6800'), припишемъ эту разницу слишкомъ въ 3000' исключительно вліянію климата, то мы едва-ли будемъ правы, потому что экономическое положеніе жителей Ферганы и Рошана и Шугнана совершенно различно. Тамъ по окраинамъ богатѣйшей долины, изобилующей всѣми дарами природы, у жителей предгорій, богатыхъ и лѣсомъ и лугами, всегда найдутся и заработки, и рынки, на которыхъ они могутъ сбывать свои продукты и получать другіе. У нихъ нѣтъ поэтому повода заниматься культурой хлопка близъ верхней границы его произрастанія, гдѣ продуктъ получается въ слишкомъ маломъ количествѣ, не оплачивающемъ затраченный трудъ. Рабочія руки у нихъ имѣютъ свою цѣну, и культура всякихъ растеній развивается лишь въ такихъ районахъ, гдѣ она выгодна, а не тамъ, гдѣ она вообще возможна.

Совершенно въ иномъ положеніи находятся жители Рошана и Шугнана. Отрѣзанные горами отъ всего остальнаго міра, лишены всякихъ заработковъ, они по необходимости должны извлекать

всѣ нужные имъ продукты изъ своей страны. Время и трудъ у нихъ не имѣютъ никакой цѣнности, и они довольствуются поэтому, всякимъ, самымъ ничтожнымъ урожаемъ. Судя по аналогіи можно предполагать, что если по Пянджу культура хлопка достигаетъ до 6500', то въ Ферганѣ разведеніе этой же самой расы, вѣроятно, возможно при 5500—6000'.

Во всякомъ случаѣ, есть полное основаніе предполагать, что климатъ Рошана и Шугнана теплѣе, чѣмъ на соответствующихъ высотахъ, напримѣръ, Ферганской области, что вполнѣ объясняется и болѣе южнымъ положеніемъ описываемаго края и его защищенностью отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Кромѣ того можно думать, что онъ отличается значительной умѣренностью. Это видно хотя бы изъ того, что абрикось здѣсь доходить до 9000', гдѣ плоды его едва вызрѣваютъ въ двадцатыхъ числахъ августа. Между тѣмъ въ экзотическомъ климатѣ Астрахани абрикось уже страдаетъ отъ весеннихъ морозовъ и не идетъ дальше къ сѣверу, хотя плоды его вызрѣваютъ уже въ началѣ іюня. Въ западной Европѣ, въ болѣе умѣренномъ климатѣ, граница его значительно поднимается къ сѣверу, и плоды вызрѣваютъ значительно позже.

Этимъ я заканчиваю свой очеркъ сельскохозяйственныхъ условій Рошана и Шугнана. Резюмируя все сказанное, мы должны признать, что описанныя провинціи представляютъ чрезвычайно бѣдный, обездоленный самой природой, край. Высоко поднятый надъ уровнемъ моря и разрѣзанный глубокими долинами, онъ заключаетъ въ себѣ относительно ничтожные участки, годные для земледѣлія, и нужны были геройскія усилія и большая привязанность со стороны жителей къ осѣлости, чтобы привести страну въ то культурное состояніе, въ которомъ она находится. Трудно, конечно, и въ будущемъ предсказать этому краю блестящее развитіе. Но, во всякомъ случаѣ теперь, съ присоединеніемъ его къ Россіи, для жителей Рошана и Шугнана наступаетъ новая эра, когда они, забывъ о политическихъ тревоженіяхъ, могутъ спокойно заниматься обработкой родныхъ нивъ, которыя они до сихъ поръ такъ обильно поливали своею кровью.

и км